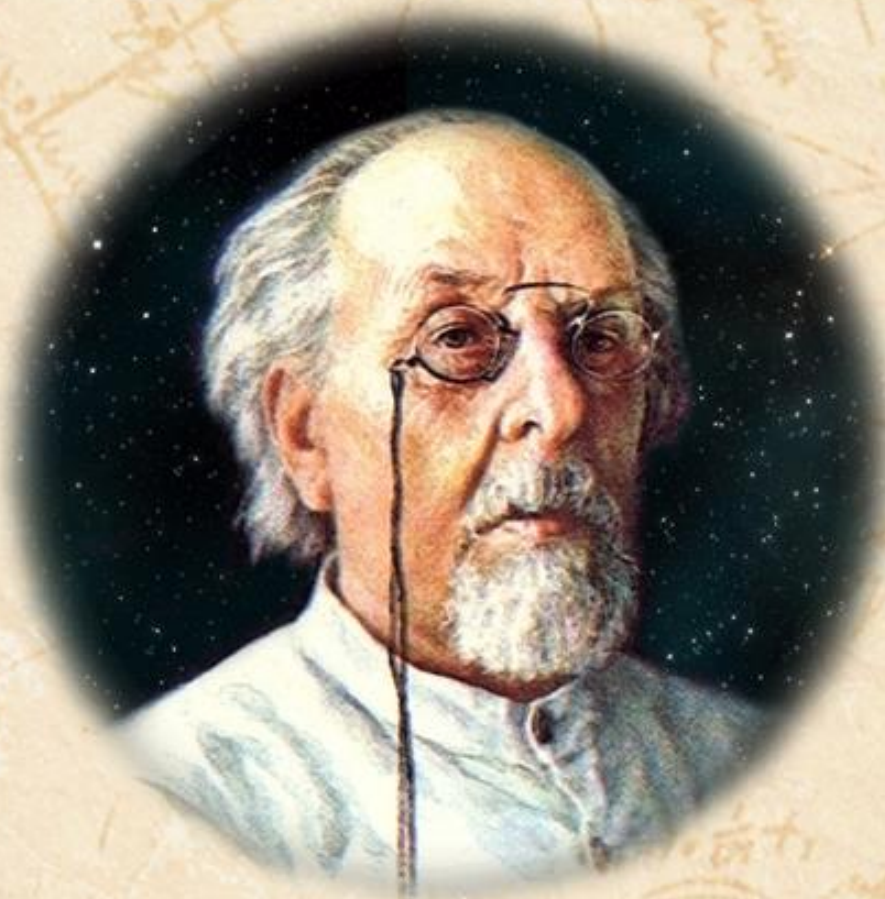

Серия
«Космическая философия»

Константин Циолковский

Радость и страдание

Содержание

Радость и страдание	3
(1924 г.)	3
Фотокопии рукописей Циолковского	14
«Радость и страдание». Машинопись.....	15

Константин Циолковский

Радость и страдание

(1924 г.)

Ценность жизни в том, чтобы иметь как можно больше радости и как можно меньше страдания. С малою радостью мы примиряемся, но со страданием, в особенности большим, никогда. Мы готовы даже удовлетвориться полным спокойствием, т.е. тем, что нельзя назвать ни радостью, ни страданием (нирвана).

Как бы хорошо было не ожидать смертных мук, мук неудачной любви, голода, холода, увечья, болезней! Мы готовы примириться и со страданиями незначительными, легко переносимыми и непродолжительными. Но смертные муки кажутся такими ужасными! С ними примириться мы не можем.

Обстоятельства жизни можно изменить. Можно со временем добиться так называемой счастливой жизни. Можно иметь всё необходимое для неё: удобное жилище, здоровую пищу,

хорошую и добрую жену, необременяющий и не разрушающий здоровье труд, милых и невероломных товарищей. Все члены человечества могут сделаться, как самый лучший из нас и достигнуть небывалого благосостояния. Всё это возможно и наверное будет. Это пустяки (по трудности достижения).

Мы не имеем ввиду бедности, слабости, болезненности, уродства, несчастий, порока. Нет! Допустим, что от всего этого освободился человек.

Спрашивается, счастлив ли он или несчастлив тогда будет? Условно, по общепринятому мнению - счастлив, но, на самом то деле, как?

Если он застрахован от всех болезней и случайных несчастий, то не застрахован от смерти и смертных мучений. Как только он получает сознание, так начинается боязнь мучений. Многие от этого страха преждевременно стареют, болеют и разрушаются. Приговорённый к обычной смертной казни мучается невыразимо. Но кто же из нас к ней не приговорен! Разница та, что как бы я стар и слаб не был, срок моей кончины не совсем ясен, срок же приговоренного

к казни, хотя тоже часто не определён, но всё же приговорённый знает, что дожидаться придётся не долго. Потом естественная смерть разрушает постепенно, а казнь быстро, от чего страдание, вероятно, сильнее.

Детская бессознательность, когда не знаешь о смерти или не ждешь её, когда набираешься впечатлений и ничего не теряешь или не чувствуешь потерь - прекрасная полоса жизни. Это бесспорное счастье, если не считать незначительных уколов, неизбежных даже и при самом богатом уходе взрослых.

Но есть обратная полоса, когда мы теряем идей больше, чем приобретаем и потому скучаем. Это старость - период упадка. Я не говорю о потере жены, детей, близких и друзей. Мы допускаем, что при счастливой жизни этого нет. Т.е. мы умираем раньше, хотя относительно родителей и старших это маловероятно. Но к родителям мы меньше привязываемся, чем к детям и потому эти страдания не велики. О меньших потерях я и не говорю.

Старость сопровождается также ожиданием смертных мук и потерей всего: ощущений жизни, имущества и близких. Это прибавляет чувства горечи.

Итак, при самых идеальных условиях, полоса молодой радости уравнивается горечью угасания в старости. Невольно скажет старик: "если я уплачиваю ужасом старости за блеск молодости, то не надо мне и молодости. Не было бы её - я сейчас бы не страдал!".

В зрелом возрасте, возрасте наибольшей силы и деятельности, человек также жалуется на тяжесть жизни. Самочувствие его, в общем, отрицательное. Он испытывает не спокойствие, не радость, а скорее ощущение неприятное, нежелательное. Как сладко, говорит он, успокоиться, заснуть, погрузиться в нирвану, в небытие. Но к спокойствию идёт путь через смертные муки, и потому, несмотря на искреннее желание смерти, никто её добровольно не принимает. От тяжести жизни, хотя и в меньшей степени, не свободны и дети, и молодые. Чем же это объяснить, какая в том причина?

Причина — в испытываемых порою наслаждениях: в удовлетворении голода, половой страсти, ночного отдыха и разных других желаний: иногда слабых, иногда - сильных. Гастрономические наслаждения, музыкальные, эстетические разного рода, женщины, любовь и т.д. - вот про что я говорю.

Кушает человек не непрерывно, а периодически. Также и другие страсти он удовлетворяет периодически. Перед удовлетворением он, так сказать, заряжается, т.е. деятельность мозга ослабевает. Во время же удовлетворения - она восстанавливается до прежней величины и от этого происходит радость (подъём "духа").

Мы возбуждаем себя множеством других радостей: зрелищами, музыкой, чтением. Но нельзя же непрерывно читать и испытывать необыкновенные впечатления. И музыка, и зрелища и книги не всегда возбуждают, а только порою, моментами, сравнительно короткими. Промежутки, оставшиеся на долю обычного времяпровождения, понятно, тягостны и заставляют жаловаться на муку жизни.

Особенно эти муки усиливаются употреблением возбуждающих их средств: чая, кофе, табака, вина. Но культурная жизнь, как раз эти средства считает за самые нормальные.

Они переходят уже в область разврата, когда употребляют гашиш, морфий, когда придумывают неестественные действия при удовлетворении разного рода страстей, даже тонкости гастрономии и музыки на этой границе.

Мы жалуемся на жизнь, на её тяжесть, как бы мы обеспечены и счастливы не были, и забываем, что сами увеличиваем эту тяжесть наркотическими средствами, гастрономиею, избытком половых увлечений, изысканною музыкой и даже разными неестественными способами.

В погоне за наслаждениями, мы усиливаем свои страдания до стремления к самоубийству. Только муки смерти удерживают нас от него.

Для того, чтобы достигнуть полного СПОКОЙСТВИЯ, уничтожить без следа преобладающую по времени тяжесть жизни, по-видимому, надо сделаться бесчувственным: не

наслаждаться изысканными кушаньями, вынимающей душу музыкой, половыми отправлениями и т.д.

Вероятно, через несколько тысячелетий, человек, стремясь к идеалу работоспособности, и достигнет того, что избавится от наслаждений и мук страстей, избавится от болей и смертных мук.

Но от слабых ощущений совсем освободиться он не будет в силах, это и невозможно. Восприятие идей, творчество, деятельность все же будут сопровождаться чувством приятного и неприятного.

Можем ли мы сейчас избавиться от сильных ощущений? Что если бы кто вздумал, напр., избегать всяких удовольствий жизни. Положим - жену бы он оплодотворял искусственно, а сам ее не касался, - желудок наполнял без жевания и вкусовых ощущений, через трубку или другим способом, избегал бы звуков, запаха, музыки, зрелищ и всяких человеческих утех. Достиг ли бы он тогда нирваны, спокойствия жизни и высшей работоспособности?

В общем, он тогда бы убил себя. Можно и нужно многого избежать, но всего невозможно. Можно и следует избегать всяких возбуждающих средств: даже чая, кофе и вина, не говоря уже про опиум и тому подобное. Следует избегать неестественных наслаждений, гастрономических тонкостей, избытка супруга или супругов, страстной музыки и зрелищ, сильно возбуждающих желания, также и книг такого же сорта.

Мы не только укрепим этим здоровье и удлиним жизнь, но и сделаем её более сносной и производительной.

Но нельзя отрешиться от всего, в силу человеческой природы, т.е. устройства его организма.

Допустим, что мы хотим избежать утех любви. Деятельность организма сейчас же начинает ослабляться, организм угасает и здоровье расстраивается. Кроме того, мы начинаем испытывать тоску, и жизнь от неё становится непереносной. Ясно, что нас влечет к болезни и смерти, хотя немногие при этих лишениях умирают... Мы достигнем этим аскетизмом обратного результата. Особенно это обнаруживается, когда мы видим супругов и всё же от них отказываемся. В таком

случае человек приближается верными шагами к уродству или смерти. Начавшаяся невольно, независимо от человеческого разума любовь и прерванная сильной волей или насильственно, причиняет невыразимые муки. Если человек при этом всё себя не убивает, то его калечит и убивает натура.

Я, конечно, не хочу этим сказать, что человек должен поддаваться каждой юбке или штанам и предаваться много супружеству или разврату. Нет, я сторонник самого строгого монизма в браке, а только то, что нормальный организм не может избежать пока обыкновенной любви.

Не следует избегать удовлетворения любви и других страстей: вкусовых ощущений, некоторого количества приятных звуков, запахов и умеренного удовлетворения других желаний. Но лучше придерживаться в этом случае простоты/естественности, даже некоторого аскетизма. Мэру знать — всего труднее. Разумнее всего довольствоваться музыкой природы, т.е. голосами леса, моря, супругов, друзей, детей и т.д. и это достаточно отравляет. Также и в удовлетворении других желаний.

Надо же понять, что нет никакого смысла курить, пьянствовать или возбуждать себя иными естественными или неестественными средствами. Мы гонимся в этом случае за наслаждениями и получаем их, но делаем через это жизнь несносной и разрушаем её преждевременно. Мы становимся неспособными и мучаем своим похмельным состоянием близких.

Сколько мы захватим удовольствий, столько же потом заплатим за них страданиями, есть ли в этом смысл? Люди забывают, что безнаказанно нельзя иметь удовольствий. Можно избежать уплаты денежного долга, но долга наслаждений - никогда, если неизбежно "занимать", по несовершенному животному устройству человеческого тела, то "занимайте". Но не берите в долг, когда в этом нет надобности, когда эти долги делают человека бессильным и убивают его.

Когда население Земли увеличится в сто, тысячу раз, и переполнит сушу и море, тогда искусственный подбор родичей усилится и приведет человечество к другой его форме, мало страстной и разумной. В ней останется только радость познания мира и его законов. Всё остальное

исчезнет, как остаток животных страстей. Тогда человек будет чувствовать себя ровно, достигнет наибольшей работоспособности, не будет жаловаться на тяжесть жизни, потому что этой тяжести не будет. Не будет болезней, и долголетие достигнет тысяч лет.

Только перед разрушением тела, или с переменою формы, существо не избежит страданий. Но и их найдут возможность так растянуть, что они будут легко переносны, и даже не возбудят ропота.

Цель этой работы не только указать отдаленные идеалы существ, но и сейчас выяснить способ быть наиболее работоспособным и счастливым. Путь этот: естественность, целомудрие и сострадание. Один супруг, по возможности, любимый, простая пища, отсутствие возбуждений, избегание всяких соблазнов, чистая жизнь без примеси суеверий.

Ещё философы многократно указывали этот путь человеку, который должен не только облегчить жизнь, но и привести её к возможному совершенству и могуществу.

**Фотокопии рукописей
Циолковского**

«РАДОСТЬ И СТРАДАНИЕ». МАШИНОПИСЬ

Архив Академии наук СССР
Московское отделение

фонда	555
описи	1
ед. хр.	433
	434

Циолковский
Константин Эдуардович

К.Э. Циолковский
» Радость и страдание"
Статья
Машинопись

Крайние даты 1924 г.

Количество документов

Количество листов 33 л. + 1

К. Ц и о л к о в с к и й .

РАДОСТЬ И СТРАДАНИЕ.

/1924 г./.

Ценность жизни в том, чтобы иметь как можно больше радости и как можно меньше страдания. С малой радостью мы примиряемся, но со страданием, в особенности большим, — никогда. Мы готовы даже удовлетвориться полным спокойствием, т.е. тем, что нельзя назвать ни радостью, ни страданием *(нирваной)*.

Как бы хорошо было не ожидать смертных мук, мук неудачной любви, голода, холода, увечья, болезней! Мы готовы примириться и со страданиями незначительными, легко переносимыми и непродолжительными. Но смертные муки кажутся такими ужасными! С ними примириться мы не можем.

Обстоятельства жизни можно изменить. Можно со временем добиться так называемой счастливой жизни. Можно иметь все необходимое для нее: удобное жилище, здоровую пищу, хорошую и добрую жену, необременяющий и не разрушающий здоровье труд, милых и невероломных товарищей. Все члены человечества могут сделаться, как самый лучший из нас и достигнуть небывающего благосостояния. Все это возможно и наверное будет. Это пустяки/по трудности достижения/.

Мы не имеем в виду бедности, слабости, болезненности, уродства, несчастий, порока. Нет! Допустим, что от всего этого освободился человек.

Спрашивается, счастлив ли он или несчастлив тогда будет? Условно, по общепринятому мнению — счастлив, но на самом ^{то} деле как?

Если он застрахован от всех болезней и случайных

несчастий, то не застрахован от смерти и смертных мучений. Как только он получает сознание, так начинается боязнь мучений. Многие от этого страха преждевременно стареют, болеют и разрушаются. Приговоренный к обычной смертной казни мучается невыразимо. Но кто же из нас к ней не приговорен! Разница та, - что как бы я стар и слаб не был, срок моей кончины не совсем ясен, срок же приговоренного к казни, хотя тоже часто неопределен, но все же приговоренный знает, что дождаться придется не долго. Потом естественная смерть разрушает постепенно, а казнь быстро, от чего страдание, вероятно, сильнее.

Детская бессознательность, когда не знаешь о смерти или не ждешь ее, когда набираешься впечатлений и ничего не теряешь или не чувствуешь потерь - прекрасная полоса жизни. Это бесспорное счастье, если не считать незначительных уколов, неизбежных даже и при самом богатом уходе взрослых.

Но есть обратная полоса, когда мы терчем идеей больше, чем приобретаем и потому скучаем. Это старость - период упадка. Я не говорю о потере жены, детей, близких и друзей. Мы допускаем, что при счастливой жизни этого нет. Т.е. мы умираем раньше, хотя относительно родителей и старших это маловероятно. Но к родителям мы меньше привязываемся, чем к детям и потому эти страдания не велики. О меньших потерях я и не говорю.

Старость сопровождается также ожиданием смертных нуж и потерей всего: ощущений жизни, имущества и близких. Это прибавляет чувства горечи.

Итак, при самых идеальных условиях, полоса молодой радости уравнивается горечью угасания в старости. Невольно скажет старик: "если я уплачиваю ужасом старости за блеск молодости, то не надо мне и молодости. Не было бы ее - я сейчас бы не страдал!".

В зрелом возрасте, возрасте наибольшей силы и

деятельности, человек также жалуется на тяжесть жизни. Самочувствие его, в общем, отрицательное. Он испытывает не спокойствие, не радость, а скорее ощущение неприятное, нежелательное. Как сладко, говорит он, успокоиться, заснуть, погрузиться в нирвану, в небытие. Но к покою идет путь через смертные муки, и потому, не смотря на искреннее желание смерти, никто ее добровольно не принимает. От тяжести жизни, хотя и в меньшей степени, не свободны и дети, и молодежь. Чем же это объяснить, какая в том причина?

Причина—в испытываемых порою наслаждениях: в удовлетворении голода, половой страсти, ночного отдыха и разных других желаний: иногда слабых, иногда — сильных. Гастрономические наслаждения, музыкальные, эстетические разного рода, женщины, любовь и т.д. — вот про что я говорю.

Кушает человек не непрерывно, а периодически. Также и другие страсти он удовлетворяет периодически. Перед удовлетворением он, так сказать, зрится, т.е. деятельность мозга ослабевает. Во время же удовлетворения — она восстанавливается до прежней величины и от этого происходит радость. / под "ем "духа"/.

Мы возбуждаем себя множеством других радостей: зрелищами, музыкой, чтением. Но нельзя же непрерывно читать и испытывать необыкновенные впечатления. И музыка, и зрелища и книги не всегда возбуждают, а только порою, моментами, сравнительно, короткими. Промежутки, оставшиеся на долю обычного времяпровождения, понятно, тягостны и заставляют жаловаться на муку жизни.

Особенно эти муки усиливаются употреблением возбуждающих их средств: чая, кофе, табаку, вина. Но культурная жизнь, как раз эти средства считают за самые нормальные.

Они переходят уже в область разврата, когда упо-

требляют г^ианши, морфий, когда придумывают неестественные действия при удовлетворении разного рода страстей. Даже тонкости гастрономии и музыки на этой границе.

Мы жалуемся на жизнь, на ее тяжесть, — как бы мы обеспечены и счастливы не были, — и забываем, что сами увеличиваем эту тяжесть наркотическими средствами, гастрономией, избытком половых увлечений, изысканной музыкой и даже разными неестественными способами.

В погоне за наслаждениями, мы усиливаем свои страдания до стремления к самоубийству. Только муки смерти удерживают нас от него.

Для того, чтобы достигнуть полного спокойствия, уничтожить без следа преобладающую по времени тяжесть жизни, по видимому, надо сделаться бесчувственным: не наслаждаться изысканными кушаньями, винниающей душу музыкой, половыми отправлениями и т.д.

Вероятно, через несколько тысячелетий, человек, стремясь к идеалу работоспособности, и достигнет того, что избавится от наслаждений и мук страстей, избавится от болей и смертных мук.

Но от слабых ощущений совсем освободиться он не будет в силах, это и невозможно. Восприятие идей, творчество, деятельность все же будут сопровождаться чувством приятного и неприятного.

Можем ли мы сейчас избавиться от сильных ощущений? Что если бы кто вздумал, напр., избегать всяких удовольствий жизни. Положим — жену бы он оплодотворял искусственно, а сам ее не касался, — желудок наполнял без жевания и вкусовых ощущений, через трубку или другим способом, избегал бы звуков, запаха, музыки, зрелищ и всяких человеческих утех. Достиг ли бы он тогда нирваны, спокойствия жизни и высшей работоспособности?

В общем, он тогда бы унял себя. Можно и нужно мно-

того избегать, но всего невозможно. Можно и следует избегать всяких возбуждающих средств: даже чай, кофе и вина, не говоря уже про опиум и тому подобное. Следует избегать неестественных наслаждений, гастрономических тонкостей, избытка супруга или супругов, страстной музыки и зрелищ, сильно возбуждающих желания, также и книг такого же сорта.

Мы не только укрепим этим здоровье и удлиним жизнь, но и сделаем ее более сносной и производительной.

Но нельзя отрешиться от всего, — в силу человеческой природы, т.е. устройства его организма.

Допустим, что мы хотим избежать утех любви. Деятельность организма сейчас же начинает ослабляться организм угасает и здоровье расстраивается. Кроме того, мы начинаем испытывать тоску и жизнь отнее становится переносной. Ясно, что нас влечет к болезни и смерти, хотя немногие при этих лишениях умирают... Мы достигнем ^{этим достигнем} обратного результата. Особенно это обнаруживается, когда мы видим супругов и все же от них отказываемся. В таком случае человек приближается верными шагами к уродству или смерти. Начавшаяся неволью, независимо от человеческого разума любовь и прерванная сильной волей или насильственно, причиняет невыразимые муки. Если человек при этом сам себя не убивает, то его калечит и убивает натура.

Я, конечно, не хочу этим сказать, что человек должен поддаваться каждой юбке или штанам и предаваться много супружеству или разврату. Нет, я сторонник самого строгого морализма в браке, — а только то, что нормальный организм не может избежать пока обыкновенной любви.

Не следует избегать удовлетворения любви и других страстей: вкусовых ощущений, некоторого количества приятных звуков, запахов и умеренного удовлетворения других желаний. Но лучше придерживаться в этом случае простоты, естественности, даже некоторого аскетизма. Меру знать —

всего труднее. Разумнее всего довольствоваться музыкой природы, т.е. голосами леса, моря, супругов, друзей, детей и т.д. и это достаточно отравляет. Также и в удовлетворении других желаний.

Надо же понять, что нет никакого смысла курить, пьянствовать или возбуждать себя иными естественными или неестественными средствами. Мы жонимся в этом случае за наслаждениями и получаем их, но делаем через это жизнь нестерпимой и разрушаем ее преждевременно. Мы становимся неспособными и мучаем своим похмельным состоянием близких.

Сколько мы захватим удовольствий, столько же потом заплатим за них страданиями. Есть ли в этом смысл? Люди забывают, что безнаказанно нельзя иметь удовольствий. Можно избежать уплаты денежного долга, но долга наслаждений - никогда. Если неизбежно "занимать", по несовершенному животному устройству человеческого тела, то "занимайте". Но не берите в долг, когда в этом нет надобности, когда эти долги делают человека бессильным и убивают его.

Когда население Земли увеличится в сто, тысячу раз, и переполнит сушу и море, тогда искусственный подбор рас⁰ достей⁰ усилится и приведет человечество к другой его форме, ~~более~~ мало страстной и разумной. В ней останется только радость познания мира и его законов. Все остальное исчезнет, как остаток животных страстей. Тогда человек будет чувствовать себя равно, достигнет наибольшей работоспособности, не будет жаловаться на тяжесть жизни, потому что этой тяжести не будет. Не будет болезней, и долголетие достигнет тысяч лет.

Только перед разрушением тела, или с переменною формой, существо не избежит страданий. Но и их найдут возможность так растянуть, что они будут легко переносны, и даже не возбуждают ропота.

Цель этой работы не только указать отдаленные идеалы существ, но и сейчас выяснить способ быть наиболее работоспособным и счастливым. Путь этот: естественность, целомудрие и сострадание. Один супруг, по возможности, любимый, простая пища, отсутствие возбуждений, избежание всяких соблазнов, чистая жизнь без примеси суеверий.

Еще философы многократно указывали этот путь человеку, который должен не только облегчить жизнь, но и привести ее к возможному совершенству и могуществу.

К. Ц и о л к о в с к и й .

22.

26

Научур-оринес.

Вензурно.

Радосур и сурадание 1

1924г. Радосур и сурадание. 7

Совокупность идей, гипотез, тезисов, составивших содержание философских сочинений К.Э.Циолковского, сам Константин Эдуардович назвал «Космической философией». Её центральным элементом стало смоделированное с помощью научных методов учение о смысле жизни и постижении его в процессе реализации нравственной практики.

О важности этих исследований для человечества говорит утверждение К.Э.Циолковского о том, что теорию ракетостроения он разработал лишь как приложение к своим философским изысканиям.

Учёным написано множество философских работ, которые малоизвестны не только широкому читателю, но и специалистам ввиду их многолетнего замалчивания. Эти книги – попытка прорвать «заговор молчания» вокруг философии русского космического провидца.

Новое мышление невозможно без поиска смысла жизни в единстве населённого космоса.

Обращаясь к своим читателям, К.Э.Циолковский говорит:

«Постараюсь восстановить то, что в сонме тысячелетий утеряно человечеством, отыскать оброненный им философский камень».

...

«Будьте внимательны, напрягите все силы, чтобы усвоить и понять излагаемое.»

...

«За напряжение, за внимание вы будете вознаграждены, не скажу сторицею, это чересчур слабо, но безмерно. Нет слов для выражения тех благ, которые вы получите за свой труд. Нет меры для этих благ. Эта мера есть бесконечность».

К. Э. Циолковский
«Живая вселенная»

1923 г.

Научно-популярное издание

Константин Эдуардович Циолковский

«Космическая философия»

www.tsiolkovsky.org

Руководитель проекта
Дизайн
Хостинг, CMS

Николай Красноступ
Татьяна Колпакова, Евгений Продайко
Сергей Попов

Приглашаем всех принять участие в данном проекте!

Если вы хотите и можете оказать содействие данному проекту,
свяжитесь с нами по email mykola.krasnostup@gmail.com

Лизані 1878. 8 класу
Воскресен

1893

卷之五

$\mu = \frac{1}{2} = 0.5$
 $\mu = \frac{1}{2} = 0.5$
 $\mu = \frac{1}{2} = 0.5$